
Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна

© 2021 г. С.В. Тихонова

*Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, 410012, ул. Астраханская, д. 83.*

E-mail: segedasv@yandex.ru

Поступила 19.01.2021

Показывается, что возвращение к гуманистическим идеалам Модерна, возрождение их на качественно новом уровне становится вектором осмысления современных последствий технонаучного развития. Трансгуманизм рассматривается сквозь призму поисков Неомодерна, направленных на возрождение веры в человеческий Разум. Противоречивые, полемичные и неоднозначные отношения академической философии и маргинального трансгуманизма не отменяют их взаимообогащения в процессе формирования единого дискурса определения человеческой природы. Целеполагание в проектах автоэволюции трансгуманистических мыслителей детерминировано двумя полюсами – наукой как источником передовых технологий и лженаукой, профанизирующей и вульгаризирующей представления о возможностях современных технологий. История трансгуманизма демонстрирует опыт непрерывной ревизии представлений о передовых научных направлениях. Философские искания трансгуманистов отличаются амбивалентным характером, обеспечивающим основания для диаметрально противоположных оценок данного течения (оптимизм/пессимизм, гуманизм/антигуманизм), однако его целевой аудиторией неизменно остаются люди, а главной темой – свободное обретение человеческого счастья.

Ключевые слова: философия науки, трансгуманизм, Неомодерн, наука, лженаука, конвергенция технологий, технонаука.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-29-39

Цитирование: *Тихонова С.В.* Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 29–39.

The Transhumanism, the Science and the Pseudoscience: in Search of Neomodern

© 2021 Sophia V. Tikhonova

*Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation.*

E-mail: segedasv@yandex.ru

Received 19.01.2021

The article deals with transhumanism searches of Neomodern. In our opinion, return to humanistic ideals of the Modern, their revival and search of their new quality become a vector of modern researches of understanding of consequences of techno-science development. A Neomodern searches transhumanism tend to revive the belief in human Mind. The contradictory, polemical and equivocal relations between the academic philosophy and marginal transhumanism don't stop their mutual enrichment as result the forming of the reciprocal discourse field of human nature. The goal-setting in transhumanistic thinkers projects of autoevolution is determined by two poles – 1) science as a source of advanced technologies and 2) a pseudoscience, producing primitive and vulgar representations about opportunities of modern technologies. The history of transhumanism shows experience of continuous revision of ideas about the new scientific research directions. Philosophical searches of transhumanists have got the ambivalent character; it gives the grounds for opposite estimates of this trend (optimism/pessimism, humanism/antihumanism), however people steadily are transhumanistic target audience, and free finding of human happiness – the main subject.

Keywords: science philosophy, transhumanism, Neomodern, science, pseudoscience, convergence of technologies, technoscience.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-29-39

Citation: Tikhonova, Sophia V. (2021) “The Transhumanism, the Science and the Pseudoscience: in Search of Neomodern”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 29–39.

Эпоха Просвещения оказала человеческой Истории неоценимую услугу, предложив ей проект социального развития, исходящий из человеческой природы и призванный раскрыть все совершенство этой природы. Именно идеологии Просвещения мы обязаны ключевыми современными представлениями о том, как человек может переорганизовать общественную жизнь на разумных и нравственных началах. Неслучайно И. Кант обозначил Просвещение как совершеннолетие человека, призвав его иметь мужество пользоваться собственным умом. Избавление от иллюзий незрелого разума ознаменовало начало нового пути, пути к свободе, равенству и братству, на котором философии была предначертана роль проводника человечества в светлое будущее. Она должна была оттачивать человеческие способности к познанию и помогать в выборе целей созидательной активности.

К сожалению, проективный пафос Просвещения сам был иллюзией. Движение вперед оказалось настолько нелинейным и неоднозначным, что вызвало серьезные опасения в принципиальной способности человека к прогрессу. Проект Модерна был незакончен, поход к великим целям захлебнулся в разочарованиях, немалый вклад в осознание которых внесли постмодернисты. Постмодерн не только развенчал Просвещение, вскрыв изнанку Модерна, но и подорвал его аксиологическую репутацию.

Логика подрыва была следующей: если во всех конституционных демократических обществах по-прежнему неискоренимы нищета, невежество, дискриминация и эксплуатация, то проект Модерна неосуществим, а ценности, постулируемые Просвещением, не более чем миф.

В опасности оказалась и самая фундаментальная из них, ценность человека, его свобод и способностей, составляющая идейное ядро современного гуманизма. В постмодернистской трактовке гуманизм разоблачается как инверсия антропоцентризма, самообман разума, ищущего самооправдания после бесконечных серий унижения и уничтожения Другого.

Однако кризис глобализации в очередной раз проявил консолидирующее значение гуманистического консенсуса, выработанного после Второй мировой войны, закрепленного в Декларации прав человека и отраженного в целях и принципах Устава ООН. Более полувека гуманизм удерживал население планеты от тотального самоистребления в распрах новых мировых войн, делал возможным сосуществование различных культур и направлял развитие государств. Конечно, гуманизм хрупок и уязвим, поскольку требует свободного выбора и не знает ортодоксии. В отличие от догматических систем мировых религий он отличается разнообразием интерпретаций и толкований. Тем не менее потребность в нем становится универсальной на определенных этапах социального развития, поскольку, вероятно, без гуманизма невозможно самосохранение слишком больших для жизни в изоляции человеческих сообществ.

Для социального воспроизводства нужны четкие ориентиры. Дефицит позитивного проспективного мировоззрения угрожает коррозией родовой сущности человека, обескровливает его творческую активность, принижает человеческое достоинство. Закономерно пришло время усталости и от фрагментарной эклектики Постмодерна. Мир, разочаровавшийся в разуме как главной руководящей силе в жизни человека, оказался в культурной среде агрессивного псевдосредневековья, ремифологизации общественного сознания, обскурантизма и инфантилизма. Упадок Разума на практике оказался не таким захватывающим, как грезы о нем. Неслучайно период постмодернизма критиковался как новейший декаданс, длительное пребывание в среде которого саморазрушительно.

Постмодернизм обернулся очередным переходным этапом. Кончилось время констатации различных «пост», началось время поисков «нео»: стало важным не закрыть предыдущую эпоху, а начать новую, свою собственную, перейти от фрагментарности к многомерности, преодолеть затянувшийся кризис идентичностей и освоить, обжить доставшееся время.

Потребность вернуться к Просвещению, возродить его гуманистический пафос становится все более настоятельной. О ней говорят и физики, и философы, и теоретики права, и политики. По мнению Дж. Массера, сегодня (благодаря квантовой физике) возможно возрождение оптимизма в отношении человеческих знаний и поведения на новом уровне, необходимое для рождения новой эпохи Просвещения [Массер 2013, 38]. Отказ от наиболее одиозных либертарианских следствий Просвещения, жестокости, деспотизма, категоричности схем, солидаризация людей, возрождение этических оснований социальности – все это приметы актуализации идеи Неомодерна.

Неизбежным становится постоянный пересмотр идеи Просвещения в новых условиях цифрового мира и конвергенции технологий. Этот процесс так охарактеризовал В.А. Кувакин: «Из новых знаний и опыта XX в. вырастает новое понимание просвещения, получающего название Нового Просвещения. Таким же образом преодоление постмодернизма ведет нас к неомодернизму, удержанию из эпохи Нового Времени того ценного, что и сегодня может служить человечеству в его поступательном развитии... В свете неопросвещения сегодняшняя задача, коротко говоря, – не “осветить” человека, его сознание сверху вниз и тем более не манипулировать им, а предложить личности метод, объяснить его суть, научить им пользоваться, сообщить общие научные данные об “устройстве” человека. И пусть он сам в своей свободе и ответственности просвещается, становится и обогащается во благо себе и общества. Такое во многом

новое понимание просвещения предполагает неукоснительное уважение прав человека, его свободы совести и разума. Оно предлагает человеку быть разумным, свободным и ответственным гражданином своей страны, членом становящегося на наших глазах мирового сообщества» [Кувакин 2010, 4].

Неомодерн не является простым цитированием Модерна, его суть более глубокая. Речь идет о возрождении рационального вектора в развитии человечества. Сердце Неомодерна – это наука, ее возможности и перспективы. Вернуть уважение к Разуму означает вернуть уважение к науке, переопределить ее аксиологический статус и вновь связать его с ценностным строем гуманизма. В этом аспекте особый интерес представляют искания трансгуманизма, пытающегося возродить права Разума на самоутверждение.

* * *

Выявление эвристического потенциала трансгуманизма в установлении характера современной антропологической ситуации и перспектив ее развития связано с определенными трудностями.

Самая значительная среди них – прочно укоренившийся негативный имидж трансгуманизма среди отечественных философов. Нередкой является резко отрицательная оценка трансгуманизма как дегуманизирующего мировоззрения, деструктивного и опасного. Трансгуманизм в этом случае однозначно интерпретируется как антигуманизм. Показательна в этом отношении полемика, развернувшаяся между В.А. Кутыревым и Б.Г. Юдиным, в которой сталкиваются оценки трансгуманизма как тотального отрицания гуманизма (В.А. Кутырев [Кутырев 2009; Кутырев 2011; Кутырев 2012]) и попыток установить некоторую преемственность между гуманизмом и трансгуманизмом (Б.Г. Юдин [Юдин 2007; Юдин 2013; Юдин 2016]).

Первое знакомство с трансгуманизмом вызвало нечто вроде недоумения у российского философского и гуманитарного сообщества: исходные попытки осмысления трансгуманизма представляют собой осторожное зондирование его идейных источников и первооснов при одновременном отрицании оригинальности, самобытности, собственно, трансгуманистических воззрений. Так, показывая, что идеи человеческого бессмертия трансгуманизм заимствует у мировых религий, В.Ф. Пряхин обосновывает приоритет русского космизма в формировании проблемного поля, разрабатываемого трансгуманизмом [Пряхин 2012], эту же идею развивают К.И. Корепанов и соавторы [Корепанов, Хаертдинова, Алексеева 2013]. Алармистские оценки трансгуманизма представлены в целой серии работ. Например, Н.А. Комлева полагает, что технология трансформации человечества исключает естественное право личности на свободу [Комлева 2012]; И.Н. Каланчина определяет трансгуманизм как антиутопию, лишенную «напряженного духовного труда» и неспособную обеспечить «преображение духа и плоти» [Каланчина 2012].

Конечно, трансгуманизм вырос не на пустом месте. Если бы его интересовали не общечеловеческие мечты, о которых не высказывается редкий философ, вряд ли он смог обрести транснациональную популярность. Но преемственность в развитии идей не тождественна плагиату. Поскольку чаще всего объектом критической мысли становятся программные документы трансгуманистических обществ, лаконично концентрирующие отражаемую идеологию в максимальной упрощенной форме, у исследователей возникает ошибочное впечатление об «изобретении велосипеда» и вторичности изучаемого содержания. В манифесты и программы не включаются рефлексивные разработки ведущих теоретиков трансгуманизма, предлагающих философское обоснование своих взглядов. В известной мере сказывается и языковой барьер – трансгуманизм как дискурсивный феномен англоязычен. Кроме того, играет свою роль и маргинально-эпатажный стиль мышления, характерный для многих представителей трансгуманизма (особенно ранних). Однако пристальное внимание к прагматическим эффектам происходящего на переднем крае науки дает трансгуманизму известную фору перед

многими философскими течениями, по сравнению с которыми он весьма оперативно аккумулирует информацию о передовых технологиях, потенциально пригодных для самоулучшения человека.

Несмотря на конфликтный характер отношений философии науки и трансгуманизма, можно констатировать, что на сегодняшний день философия науки вслед за трансгуманизмом (или вопреки ему) приближается к своему «звездному часу» (по меткому выражению П.Д. Тищенко и Б.Г. Юдина [Тищенко, Юдин 2015]), выполняя важнейший социальный заказ по «сканированию горизонта» конвергенции технологий и обоснованию решений по их применению.

Определяя или отрицая гуманистический статус трансгуманизма, философия осуществляет новый рывок в конструировании смысловых связей между человеком и миром, преодолевая современный антропологический кризис и приближаясь к Нео-модерну. Динамичность противостояния сил в треугольнике философия – гуманизм – трансгуманизм задается абберациями в треугольнике других центров силы – а именно трансгуманизма, науки и лженауки. Генетическую связь между наукой и трансгуманизмом, выросшим из научной фантастики, часто переоценивают. Для трансгуманизма имманентна апология науки и техники. Однако именно сфера философии, а не естествознание, выступает для трансгуманизма источником представлений о человеческой природе. Кроме того, из позитивного этического статуса науки и техники отнюдь не следует однозначная гносеологическая способность трансгуманизма к их адекватной оценке.

Трансгуманизм начинался как блок идей, кочующих в рамках технократических социальных движений в основном в различных жанровых формах научной фантастики. Только в XXI в. трансгуманизм начинает оформляться в академическую философию. Сегодня в его авангарде стоят профессиональные философы (Ник Бостром, Норман Дэниелс, Джулиан Савулеску и др.) и ученые-естественники, популяризирующие науку (Стивен Хокинг, Митио Каку, Нил Деграсс Тайсон и др.). Их концепции, разворачиваясь в формате научного текста, переходят в сферу научно-популярной литературы, публицистики, фантастики, медиатекстов в Интернете, наслаиваясь на исходные научно-фантастические построения раннего трансгуманизма. В каждом жанре есть собственные лидеры мнений, но далеко не каждый из них имеет отношение к научному знанию. В результате на уровне массового сознания научные идеи трансгуманизма стремительно профанизируются и мифологизируются. Отсутствие экспертных знаний превращает трансгуманизм в мифологию супермена, основанную на вере во всемогущество науки. Художественная культура, от киберпанка до философских романов М. Уэльбека, порождая массовую циркуляцию трансгуманистических мифов в глобальной медиасреде, добавляет течению популярности, но подтачивает его рациональные основы. Неслучайно тема человеческих сверхвозможностей и паранормальных способностей выступает питательной средой для лженаучных построений.

Грань между лженаукой и наукой в трансгуманистических учениях слабо уловима. Особенно очевидным эту тенденцию сделала история трансгуманистического коммерческого криоконсервирования. Более полувека идея о том, что человека можно вернуть к жизни после крионирования, остается абсолютно гипотетической, тем не менее ее поклонники тратят немалые деньги на глубокую заморозку и поддержание температурного режима тел умерших, пожиная репутацию шарлатанов и приверженцев псевдорелигиозного культа.

Вместе с тем, «разбегание» трансгуманизма между полюсами науки и лженауки не равнозначно. В истории трансгуманизма очевидны этапы пересмотров ключевых технологий грядущего и переосмысления социальных контекстов их применения, то есть переконструирования практик целеполагания в научном ключе. Остановимся на них подробнее.

В идейной эволюции трансгуманизма можно выделить четыре этапа. *Первый этап раннего трансгуманизма* – 60–80-е гг. XX в. Для него характерен оптимизм в описании будущего, главными трендами которого выступили преодоление смерти посредством крионики, адаптация человека к освоению космоса и тотальное расширение жизненного пространства человечества. *Второй этап* пришелся на конец 80-х – начало 90-х гг. XX в., когда в практической философии концептуализируются основные постулаты экстропианства. Их идейной основой становятся либертарианство, поиск направлений перманентного самопреобразования, индивидуальной интенсивной и экстенсивной экспансии. Футуристический оптимизм трансформируется в оптимизм динамический. Образ существа, сменяющего человека, задается в традициях ницшеанства, осмысляется именно как преодоление человеческого в постчеловеческом, неизбежно акцентирующее грань, разрыв и конфликт человеческого и постчеловеческого миров. *Третий этап* начинается во второй половине 90-х гг. в. как апология постгуманизма, проповедующая радикальный антропологический раскол. *Четвертый этап* приходится на XXI в. Для него характерна «мягкая» либерализация, смягчающая радикальный анархический пафос экстропианства юснатурализмом биоэтики.

Этап оптимистического футуризма (ранний трансгуманизм) связан с развитием учений Р. Эттингера и FM-2030 (Ф. Эсфендиари). В фокусе их интересов оказалась криобиология – научное направление, изучающее воздействие низких температур на живые организмы. В 1962 г. Эттингер, вдохновленный результатами исследований криобиологов, публикует свой труд «Перспективы бессмертия», в котором он пламенно пропагандирует крионирование, используя, в том числе, экономические и технические аргументы. Замена существующих практик захоронения умерших на крионирование даст людям шанс на бессмертие с помощью биомедицины будущего. Поскольку потенциальное бессмертие каждого зависит от добросовестности остальных, угроза уничтожения тел будет сдерживать социальную нестабильность и сгладит социальную стратификацию. Элите придется считаться с массами, поскольку даже самые невежественные люди неуправляемо восстанут против тех, кто откажется делиться бессмертием.

Следующая работа Эттингера, «Man into superman» (1972), посвящена проблеме сущности человека. Автор решает ее, вводя термин «самоформирование». Человек для Эттингера – это ваяющий себя скульптор, самопроектирующий супермен. Поэтому цель истории он связывает с переходом к гомогенному бессмертному трансчеловечеству, предавшему забвению распри и гетерогенность истории смертных. Эттингер утверждает, что цивилизация приостановила природную человеческую эволюцию, направленную на выживание благодаря случайно подошедшими для конкретной среды качествами: «человек может и должен переделать себя сам, в соответствии с собственными представлениями о совершенстве, основанными на редких человеческих талантах, талантах других видов и “машинных талантов”» [Ettinger web].

Более детальный анализ телеологии трансгуманизма был осуществлен FM-2030 (Ферейдун Эсфендиари)¹. FM-2030 весьма критичен в оценке его собственной эпохи: «Пока мы безнадежно обречены на ограниченные продолжительности жизни и пойманы в ловушку в пределах маленького пятнышка в Космосе, все наши социальные, экономические, политические свободы ограничены и, в конечном счете, бессмысленны» [FM-2030 1989 web]. FM-2030 предложил идею отказа от идеологического противостояния правых и левых во имя единого глобального будущего с универсальным языком, гражданством, правом и сознанием. Чаяние глобального будущего он выразил в концепции глобального оптимизма, причем последний он мировоззренчески определял как веру в гуманистическое будущее.

Свое видение будущего FM-2030 изложил в трактате «Are You a Transhuman?» (1989). Если индустриализм создан биологически детерминированным человеком, то выход из-под власти биологии позволит людям избавиться от капиталистических

форм отчуждения вместе с пережитками «старой» психологии, от шовинизма до конкуренции. В прошлом останутся первобытные психологические атавизмы или «эмоции выживания» – ревность, любовь, страх, приводящие к ксенофобии. Асексуальная репродукция и репрогенетика девальвируют кровное родство и уничтожат традиционные социальные группы (этноты, династии, семью и брак). На смену им придут новые формы социальной приватности, исключительно лишённые иерархий сети. Они станут микросредой репродукции и воспитания новых поколений.

В свободе от смерти автор видит подлинный гуманизм, возможный только как результат морального прогресса человечества, последовательно реализующийся в снижении насилия до его полного исчезновения (в будущем бессмертные транслюдии перестанут убивать). FM-2030 осуждает не только убийство людей, но и животных. Генную инженерию он позиционирует как инструмент тотальной перестройки биосферы, способный устранить неизбежность цепей питания (природных моделей поведения хищника/жертвы) и тем самым освободить от насилия и смерти как «дику» природу, так и совесть человека.

Новый гуманный мир превратится в плацдарм для освоения новых планет, бесчисленные ресурсы которых обеспечат поддержание разумной жизни на время, совпадающее как минимум с периодом жизни Вселенной. В целом, ранний трансгуманизм развивает тренды космической экспансии, революции в области средств связи и компьютерных технологий (искусственный интеллект), переводящих экономику в фазу постиндустриализма. В трансгуманистических социальных проектах вполне узнаваемы черты транснационального мира периода высокой глобализации, а большинство описываемых технологий жизнеспособно, за исключением самой главной, играющей роль волшебного преобразования, – имморталистической крионики.

Второй этап развития трансгуманизма был связан с трудами и деятельностью Макса Мора², возглавившего либертарианское направление трансгуманизма. Мор как профессиональный философ переводит трансгуманистический дискурс из футурологической публицистики в плоскость онтологии, антропологии и этики в духе американского прагматизма.

Ключевое философское понятие, созданное Мором, – экстропия, «мера интеллекта, информации, энергии, жизнеспособности, опыта, разнообразия, возможности, и роста» [More 2003 web]. Разработка «экстропианства» как философского учения о базовых принципах-постулатах экстропии стало основой оригинальной программы разумного эгоизма Мора. Разумный эгоизм Мора панкритичен. Он направлен на тотальное устранение любых вертикальных иерархий в индивидуальном праксисе. Воспеваемый Мором горизонтальный спонтанный порядок по сути является автаркеией, сосуществованием самодостаточных существ.

Доктрина Мора в рамках нашей работы интересна двумя особенностями. Во-первых, это целенаправленное выстраивание категориальных связей между философией экстропианства и другими философскими течениями, обозначение преемственности. Ницшеанские корни идей Мора очевидны и подтверждаются его собственными словами. Мор неоднократно подчеркивал, что писал свои работы под прямым влиянием взглядов Ницше. Но, по мнению Мора, хотя центральные элементы философии Ницше прямо влияли на трансгуманизм в исторической ретроспективе, последний обязательно должен быть ницшеанским. Он также уравнивает радикализм мысли Ницше более привычным для его «целевой аудитории» американским утилитаризмом в версии Айн Рэнд, основанным на разумном эгоизме.

Во-вторых, это новое решение проблемы трансчеловека. Проблема раскола между человеком и трансчеловеком намечается уже в работах FM-2030, определившего транслюдей как новый вид. Ницшеанский идеал сверхчеловека теоретически должен акцентировать позицию FM и привести Мора к идее раскола между людьми и постлюдьми. Но Мор ставит перед собой задачи, не совместимые с этой идеей. Он стремится максимально популяризовать и распространить идеи экстропианства, а значит, искать точки сближения идеала и адептов, подчеркивать человеческое в сверхчеловеке.

Радикальный ницшеанский пафос в его работах «социализируется» и обретает привычные традиционно гуманистические коннотации.

В либертарианский период технологии футуристического оптимизма отходят на второй план. Центральной гипотетической технологией становятся наномашинны – в 1986 г. выходит книга Э. Дрекслера и М. Мински «Машины создания: Грядущая эра нанотехнологий», идеи которой заменяют для трансгуманистов упорно непродуктивную крионику. Трансгуманисты обещают, что развитие нанотехнологий приведет к технологической сингулярности – взрывному ускорению научно-технического прогресса, полностью преобразующему человека и общества.

В 1990-е гг. в трансгуманистической истории складывается линия демаркации между трансгуманизмом и постгуманизмом, развивающимся на платформе постмодернизма. Постгуманизм так же, как и трансгуманизм, направлен на осмысление физического бессмертия, технологической сингулярности, космического расширения жизненного пространства, перестройки Вселенной и перекройки человеческого организма. Однако в работах ведущего теоретика постгуманизма Р. Курцвейла намечается радикальный антропологический раскол между человеком и постчеловеком. Используя постмодернистскую деконструкцию, постгуманисты девальвируют ценность человека как ложный антропоцентризм [Ferrando 2012 web].

К концу 90-х гг. XX в. начинается новый этап в развитии трансгуманизма. Философия трансгуманизма приобретает демократический характер и осуществляет ревизию своих социальных идеалов: исходной точкой отсчета оказывается гуманизм. Трансформация трансгуманизма в академическое философское течение благодаря работам таких философов, как Ник Бостром, Андерс Сандберг, Джулиан Савулеску и др., совпадает с повышением интереса трансгуманистов к гуманистическим ценностям. Фундаментальные идеи классического гуманизма становятся востребованными течением, ориентированным на формирование преемственности и использования потенциала гуманизма для описания природы человека. В работах Ника Бострома систематически проводится идея о генетической связи трансгуманизма с гуманизмом Возрождения [Bostrom 2005 web] и Просвещения [Bostrom 2005]. Программным для трансгуманизма текстом становится «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандолы (Ник Бостром назвал свое эссе по трансгуманистической этике «В защиту постчеловеческого достоинства» в порядке реплики речи Пико).

Гуманистическую идею о том, что человек есть свободный творец самого себя, современные трансгуманисты делают своим знаменем. Они критикуют креационистский контекст гуманизма Возрождения и настаивают на новом, демифологизированном единстве человека и природы. Рой Эскотт, например, показывает культурную обусловленность пасторального идеала возрожденческого Природы, раскрывая его позитивный коннотативный строй (подлинность, неспорченность, невинность, чистота, целостность, дикость, инстинктивность), «организованный» для нашего восприятия художниками Возрождения и Нового времени [Ascott 2013].

Оппозиции природное/техническое, естественное/искусственное являются продуктом идеологий, а не отношений человека и мира. Любая пластмасса состоит из той же материи, что и астероиды, а протезированный старик, живущий в XXI в., является частью Вселенной на тех же правах, что и юный питекантроп. «Естественная природа» – это мифологема христианской культуры, затемняющая реальную природу научной картины мира «с ее преобразованиями энергии, ее эволютивным, эмерджентным поведением, ее порядком в хаосе, рождением и смертями галактик, молекулярной жизнью, квантовыми событиями, даже нанесенными на карту движениями сознания нашего собственного мозга – каждое из которых не заметно непосредственно человеческим глазом, и ни одно из которых ранее не наблюдалось людьми во всей зарегистрированной истории» [ibid.]. Мы не способны на возвращение «назад, к Природе!» не потому, что наши возможности ограничены, но потому, что Природы никогда не было. Она – не более чем симулякр. Есть только реальность самоконструирования, преодолевающая с помощью технологий стихийные ограничения материи.

Вслед за природой трансгуманизму необходимо было демифологизировать сущность человека. Трансгуманисты неоднократно показывали, что существование природы человека является мифом, поскольку принимается на веру, и предлагают альтернативы. Например, Норман Дэниэлс использует для определения человеческой природы понятие «диспозиционной селективной популяции» [Daniels 2010]. Диспозитивность этой категории проявляется в вариативности фенотипов, детерминированных окружающей средой. Ее связь с популяцией акцентирует внимание к индивидуальным популяционным вариациям. Селективность означает акцентуацию конкретных признаков (например, рациональность для определения человеческой природы традиционно более значима, чем наличие носовых волос, хотя без последних выживание индивида окажется под угрозой). Согласно автору, нет никаких оснований полагать, что с помощью технологий нельзя культивировать те селективные черты, которые получили аксиологическое закрепление.

Ведущей технологией для современных трансгуманистов становятся конвергентные технологии и технонаука, признаваемые в качестве продуктивных и философским, и научным сообществами. Сегодня очевидно, что технологические перспективы обретения бессмертия по-прежнему туманны, а спектр реальных потребностей в перекройке человеческой природы весьма узок. Способность жить в непригодных для человеческого вида средах (на дне океанов, на других планетах, на межзвездных кораблях) так и осталась не востребованной. Уделом трансгуманизма становится самоулучшение, которое касается лечения редких/неизлечимых заболеваний (бионические протезы, интерфейсы экзоскелет-мозг, геновая инженерия) и адаптации к сложившимся системам социальных отношений (дизайн детей, «умные наркотики», спортивные допинги, клонирование человека).

* * *

Таким образом, история трансгуманизма демонстрирует непрерывную переоценку технологий, постепенное снижение степени их фантастичности, сближение с реальными социальными эффектами научных открытий. Конечно, наука со времен появления трансгуманизма проделала большой путь вперед. Но и трансгуманизм не стоял на месте. Балансируя между наукой и лженаукой, перебирая перспективные направления передовой науки и мечты человечества, он был вынужден воссоздавать связи между гуманитарной и естественно-научной культурами, опираясь на философию и утверждая свой собственный Неомодерн.

В оценках трансгуманизма всегда заложена определенная полярность. Трансгуманизм можно оценить и как пессимизм (он постулирует внетехнологическую ограниченность и немощь человека), и как оптимизм (он утверждает способность человека к прорыву в лучшее будущее). В нем есть черты утопии (глобальные проекты социального переустройства) и реальных проектов (популяризация биопротезирования). Его можно расценить и как потенциальный фашизм (разделяет людей и постлюдей) и как радикальную демократию (уравнивает людей, искусственный интеллект, мутантов и прочих представителей «человечества+»). В его рамках разрабатывались либеральные и консервативные течения, социалистические и анархические, формировались и синтетические идеологии. Но любая версия трансгуманизма остается адресованной человеку. Она готовит его к новым условиям жизни, хотя новизна это разнообразна – от чужого звездного неба до умных городов дополненной реальности. Технологии непрерывно меняются, меняя мир. И человеку нужно это вовремя осознать, чтобы обрести свое «нео».

Примечания

¹ Смена имени на более символическое – довольно характерная черта трансгуманистического движения. Так, Ф. Эсфендиари создал себе новое имя, FM-2030, чтобы подчеркнуть свою веру в то, что в 2030 г. он сможет отпраздновать сотый день рождения благодаря трансгуманистическим технологиям.

² Max More, первоначальное имя Макс О'Коннор. Выбор нового имени он обосновал следующим образом: «Казалось, оно реально передает суть моей цели: всегда совершенствоваться, избегая застоя. Я был намерен стать лучше во всем, стать умнее, сильнее, здоровее. Оно было постоянным напоминанием о том, что надо продолжать двигаться вперед» (цит. по: [Regis 1994 web]).

Ссылки – References in Russian

Каланчина 2012 – *Каланчина И.Н.* Трансгуманизм как антиутопия // Динамика морали в контексте современной культурной жизни России / Под ред. С.А. Ан. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2012. С. 85–89.

Комлева 2012 – *Комлева Н.А.* Трансгуманизм и «гуманитария» как угроза правам человека // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 7–8.

Корепанов, Хаертдинова, Алексеева 2013 – *Корепанов К.И., Хаертдинова А.О., Алексеева Ю.Н.* Русский космизм и трансгуманизм: общее и особенное // Теория и практика современного профессионального образования. 2013. Т. 1. № 1 (1). С. 256–259.

Кувакин 2010 – *Кувакин В.А.* Личность и просвещение: От постмодернизма к неомодернизму. М.: Российское гуманистическое общество, 2010.

Кутырев 2009 – *Кутырев В.А.* Они пришли... (о де(э)волюции человека к трансгуманизму) // Философия хозяйства. 2009. № 2 (62). С. 103–111.

Кутырев 2011 – *Кутырев В.А.* Время *mortido* // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 18–29.

Кутырев 2012 – *Кутырев В.А.* Куда сдвигать гуманитарный вектор? // Гуманитарный вектор. 2012. № 3 (31). С. 9–16.

Массер 2013 – *Массер Дж.* Новая эпоха Просвещения // В мире науки. 2013. № 1. С. 33–38.

Пряхин 2012 – *Пряхин В.Ф.* Русский космизм и трансгуманизм // Приволжский научный вестник. 2012. № 8. С. 44–59.

Тищенко, Юдин 2015 – *Тищенко П.Д., Юдин Б.Г.* Звездный час философии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 198–203.

Юдин 2007 – *Юдин Б.Г.* Обращение к читателям // Конструирование человека / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2007. С. 3–4.

Юдин 2013 – *Юдин Б.Г.* Что там, после человека? // Философские науки. 2013. № 8. С. 24–37.

Юдин 2016 – *Юдин Б.Г.* Человек в контурах технауки. Комментируя комментарии // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2 (48). С. 54–58.

References

Ascott, Roy (2013) “Back to Nature II. Art and Technology in the 21st. century”, More, Max, Vita-More, Natasha, eds, *The Transhumanist Reader*, Wiley-Blackwell, New York, pp. 438–448.

Bostrom, Nick (2005 web) “A History of Transhumanist Thought”, *Journal of Evolution and Technology*, Vol. 14, Issue 1, URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.pdf>

Bostrom, Nick (2005) “In Defense of Posthuman”, *Dignity Bioethics*, Vol. 19, No. 3, p. 202.

Daniels, Norman (2010) “Can Anyone Really Be Talking About Ethically Modifying Human Nature?”, *Bostrom, N. Savulescu, J., eds., Human Enhancement*, University Press, Oxford, pp. 25–43.

Ettinger, Robert C.W (1972 web) *Man into Superman*, URL: <http://www.cryonics.org/contents2.html>

Ferrando, Francesca (2012 web) “Towards a Posthumanist Methodology. A Statement”, *Narrating Posthumanism*. Frame, Vol. 25.1, Utrecht University, Utrecht, pp. 9–18, URL: http://www.academia.edu/1243762/towards_a_posthumanist_methodology_a_statement

FM-2030 (1989 web) *Are You a Transhuman?* Warner books, A Warner Communications Company, New-York, URL: <http://www.autistici.org/castalia/download/ebooks/Are%20you%20a%20transhuman-%205beBook%5d.pdf>

Kalanchina, Irina N. (2012) “Transhumanism as Antyustopia”, An, Svetlana, ed., *Dynamics of Morality in the Context of Contemporary Cultural Life of Russia*, Altai State Pedagogical Academy Publishing, Barnaul, pp. 85–89 (in Russian).

Komleva, Natalja A. (2012) “Transhumanism and “Humanitaria” as a Threat to Human Rights’, *Humanitarian Vector*, Vol. 2, pp. 7–8 (in Russian).

Korepanov, Kronid I., Haertdinova, A.O., Alekseeva, Ju. N. (2013) "Russian Cosmism and Transhumanism: the General and Special", Theory and Practice of Modern Professional Education, Vol. 1, Iss. 1 (1), pp. 256–259 (in Russian).

Kutyrev, Vladimir A. (2009) "They Have Come... (about Human De(e)volution to Transhumanism)", Philosophy of Economy, Vol. 2 (62), pp. 103–111 (in Russian).

Kutyrev, Vladimir A. (2011) "The Mortido Time", Russian Studies in Philosophy, Vol. 7, pp. 18–29 (in Russian).

Kutyrev, Vladimir A. (2012) "Where to Shift the Humanities Vector?", Humanitarian Vector, Vol. 3 (31), pp. 9–16 (in Russian).

Kuvakin, Valeriy A. (2010) Personality and Education: From Postmodernism to Neomodernism, Russian Humanist Society, Moscow (in Russian).

More, Max (2003 web) "Principles of Extropy", URL: <http://www.extropy.org/principles.htm>

Musser, George (2012 web) "Humans Think Like Quantum Particles", Scientific American, URL: <https://www.scientificamerican.com/article/humans-think-like-quantum-particles/> (Russian translation).

Pryakhin, Vladimir F. (2012) "Russian Cosmism and Transhumanism", Volga Region Scientific Bulletin, Vol. 8, pp. 44–59 (in Russian).

Regis, Ed (1994 web) "Meet the Extropians", URL: http://www.wired.com/wired/archive/2.10/extropians_pr.html

Tischenko, Pavel D., Yudin, Boris G. (2015) "Finest Hour of Philosophy", Russian Studies in Philosophy, Vol. 12, pp. 198–203 (in Russian).

Yudin, Boris G. (2007) "Preface", Melik-Gaykazyan, Irina V., ed., Construction of Human, Publishing house of Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, pp. 3–4 (in Russian).

Yudin, Boris G. (2013) "What is There after Man?", Russian Journal of Philosophical Sciences, Vol. 8, pp. 24–37 (in Russian).

Yudin, Boris G. (2016) "A Man within the Frame of Technoscience. Reply to Critics", Epistemology & Philosophy of Science, Vol. 2 (48), pp. 54–58 (in Russian).

Сведения об авторе

ТИХОНОВА Софья Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского.

Author's Information

TIKHONOVA Sophia V. – DSc in Philosophy, Professor of Chair of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University.